

АЛЯ АЛЯ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДЬЯВОЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Аля Алая
Генеральный дьявол
Серия «Порочная любовь
властных мужчин», книга 2

<https://litres.ru/70447714>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Полюбуйся во сколько ты мне обошлась, - на стол передо мной летит веер документов с многомиллионными убытками компании.

Хочется проорать в который раз, что это не моя вина, но Кайсаров не услышит. Он все решил. И я просто молчу, склонив голову и ожидая своей участи. Ненавижу его и боюсь.

- Получишь от десяти лет, Майя.

Меня окатывает удушливой волной ужаса, я не заслужила.

Кайсаров долго молчит, а потом равнодушно роняет:

- Но ты можешь выбрать. Есть еще золотая клетка, Майя, моя клетка. Десять лет в роли послушной куклы без права голоса. Жены.

- Жены?

- Да.

- Тогда у меня будет одно условие.

- Ты не можешь ставить мне условия.

- Могу! Или я выберу тюрьму.

- И какое? – он оборачивается, в глазах вспыхивает любопытство.

- У нас не будет детей. Никогда.

Содержание

Глава	5
Глава 01	5
Глава 02	19
Глава 03	32
Глава 04	44
Глава 05	54
Глава 06	64
Глава 07	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Генеральный дьявол

Глава

Глава 01

— Наглый, сумасшедший, обольстительный, как сам дьявол, — так описывала плачущая сестра моего генерального. — Это точно он, Майя! Я его узнала. — Нина разрыдалась и положила мне на колени тест с двумя полосками.

Я потеряла дар речи.

Как? Как такое могло случиться, чтобы милая Ниночка и мой главный босс Тимур Кайсаров вообще встретились? Она же студентка медицинского, отличница, примерная девочка. А он богатенький прожженный ублюдок, который развлекается исключительно с профессионалками. Кайсаров сам признался в этом в своем скандальном интервью.

Во мне взревел праведный гнев! Я ему устрою!

— Прости, я столько хлопот тебе доставляю. Я честно не собиралась, не знаю, как так вышло. Мы сессию отмечали, я домой собиралась, — сестра продолжала каяться со всхлипами, — и тут он. Схватил, прижал, так посмотрел, что я обо всем забыла. Он же такой! — Нина покраснела и прикусила губу. Глаза опустила в пол.

Угу... знаю я какой.

Я и сама нет-нет да вздыхала по генеральному.

Слишком хорош, гад.

В том же интервью Тимур Кайсаров категорично заявил, что заводить детей не собирается никогда.

Врун подлый, как и все мужчины.

Сказал он!

А сделал что?

Моей сестре ребенка, вот что!

И я это докажу!

Не просто докажу, а еще заставлю ответить.

Ему за тридцать, с шалавами нагулялся. Пусть женится!

У ребенка должен быть отец — и точка.

Просто пойти к генеральному и потребовать с него тест на отцовство я не могу. Он беспринципная аморальная сволочь, такой может что угодно сделать. Начиная с подделки документов и заканчивая давлением на юную глупую девочку с целью избавления от ненужного отпрыска.

Такого, как он, нужно брать за жабры и ставить перед фактом.

Тест, беременная девушка, свадьба, семейная жизнь. Станет Кайсаров у меня счастливым семьянином как миленький.

Да как только он увидит фото малыша с УЗИ, его черствое каменное сердце снова забьется. Маленькие ручки, ножки, улыбка. Разве можно остаться равнодушным к собственному

ребенку?

— Учебу придется бросить, пойти работать санитаркой,
— Нина совсем потухла, прижавшись ко мне.

— До этого не дойдет, мы справимся, — я погладила сестру по светлым волосам. Она так мечтает стать педиатром. Детским, кстати. И станет, об этом я тоже позабочусь.

Оставляю Нину дома собираться на учебу, а сама решительно направляюсь на работу. По дороге заглядываю в кофейню за большим фраппучино.

Руки дрожат, все как в тумане, когда я захожу в лифт вместе с Кайсаровым и еще пятью сотрудниками. Начальник сегодня задержался, так что пришлось отираться в холле лишних пятнадцать минут. Рука от ледяного фраппучино замерзла и покалывает. Но я решила, что пусть лучше будет он, чем я обожгу генерального горячим американо. За такое меня бы точно уволили.

Втихоря бросаю на Кайсарова осторожный взгляд. Высокий, мужественный, привлекательный. Идеальный в своем черном деловом костюме и белоснежной рубашке.

Генеральный производит впечатление респектабельного бизнесмена, но я-то знаю, кто он — мужик с гнильцой, который соблазнил наивную девчушку в ночном клубе, а потом просто сбежал. Сестра его только по фото в журнале и опознала.

Рука плотнее сжимается вокруг стакана с ледяным кофе. Как подумаю, что этот потаскун с моей сестричкой сотворил,

так сразу тянет плеснуть содержимое стакана ему прямо в лицо, чтобы кубиками льда да по морде его наглой беспринципной.

Взгляд генерального скучающе скользит по сотрудникам в лифте, по мне, по моему офисному костюму. Лениво задерживается в скромном вырезе нежно-розовой шифоновой блузки. Не найдя там ничего интересного, перескакивает на зеркальную стену, где он может любоваться собой прекрасным.

Фу, нарцисс недоделанный!

— Можно? — нетерпеливо раздается из-за спины.

Пока я думала о своем, лифт успел подняться на тридцать второй, где сидит часть нашего офиса, и открыл двери. Я резко делаю шаг в сторону, натыкаясь на твердую грудь Кайсарова. Вдыхаю его резкий дымный парфюм, охаю от неожиданности, и стаканчик сам наклоняется в его сторону.

— Твою мать! — гремит Кайсаров басом, и из лифта выходят все, даже те, кому нужно было ехать выше. — Курица, ты что творишь?

— Я не курица, — всхлипываю, наблюдая за тем, как взбитые сливки медленно сползают по рубашке Кайсарова, а под ними остается светло-коричневое пятно от кофе. — Простите, я нечаянно. Я сдам в химчистку, я отстираю.

Раздается еще один сигнал, и лифт вновь открывает двери. На этот раз на нашем этаже.

— Простите, — раскрываю одной рукой сумочку, выиски-

вая там пачку влажных салфеток. Длинный ремешок скользит во влажных от волнения пальцах, и я пытаюсь его перехватить. Рукой с треклятым фраппучино, о котором успешно забыла.

Содержимое снова расплескивается, на этот раз страдают безупречные брюки Кайсарова.

— Блядь! — генеральный бесцеремонно вырывает у меня из рук стакан и отводит в сторону от своей ценной персоны.

— Простите, — у меня выходит писк вместо нормальной речи.

— Откуда ты вообще такая криворукая? — жмурится и сжимает пальцами свободной руки переносицу. Затем кулак бьет о панель кнопок, чтобы закрывающиеся двери вновь распахнулись.

— Из бухгалтерии.

— Чтоб тебя вместе со всей бухгалтерией. Лучший костюм испортила.

Кайсаров стремительно выходит, я вылетаю следом на заплетающихся ногах. Стаканчик кофе в его руке качается, щедро поливая содержимым скользкий ламинат под ногами. Я едва не поскользываюсь на одной из таких лужиц.

Через приемную пролетаем стремительно. Секретарша удивленно таращится, видя мою наглость:

— Без записи нельзя, — долетает визгливо в захлопывающиеся за нами двери.

Поздно, я внутри.

Замираю посреди кабинета, осматриваясь в непривычной обстановке. Стекланный стол для переговоров с двумя шенгами обычных офисных стульев. Директорское кожаное кресло. Красное. Просто огромное, чтобы подчеркнуть величие своего напыщенного хозяина. На полу черный ковер, на стенах картины с красно-белыми кляксами. Интересно, он сам-то в них что-нибудь понимает или просто развесил?

У Кайсарова в кабинете и бар, и диван огромный, зеленые пальмы в высоких горшках. Очень неплохо, у нас в бухгалтерии все намного проще.

Назойливый стук моих металлических набоек привлекает Кайсарова. Он оглядывается, явно не понимая, зачем я за ним поперлась.

Подходит вплотную, сменяя по дороге стаканчик и точно бросая его в урну у двери. Разглядывает внимательно, словно под микроскопом.

В голове резко всплывает причина, по которой я вообще оказалась в одном лифте с генеральным — мне нужно хоть что-то, на чем есть его ДНК. Испорченная рубашка, которую я могу забрать для химчистки, подошла бы идеально. У него наверняка есть запасная в кабинете.

— Я испортила вашу одежду, — решительно вынимаю из сумочки влажные салфетки, стараясь не робеть под сверлящим меня ярко-синим взглядом Кайсарова.

Одну за одной набираю несколько салфеток из пачки и принимаюсь собирать растекшуюся по его рубашке пенку от

сливок. Мне даже сделали цветную посыпку, чтобы поднять настроение с утра, будь эта кофейня неладна. Теперь вся красота въелась мелкими крапинками в белоснежную хлопковую ткань. Скорее всего, не отстирается.

Вазюкаю салфетками по ткани, чувствуя под пальцами каменный напряженный пресс. Сверху до меня долетает теплое дыхание с примесью парфюма. Животный магнетизм Кайсарова буквально окутывает, заставляя мурашки расползаться по телу, а щеки гореть огнем.

Алло, Майя! Ты сюда не слюни пришла пускать, а решить важный вопрос.

Опомнись, этот мужчина занят.

Он для Нины, пусть пока сам и не в курсе. Так что давай, помоги сестре.

— Я оплачу химчистку. Вы можете отдать мне свою рубашку, и я верну ее идеально чистой.

Правда, сначала исследую на наличие волос и других микрочастиц, возьму пробы ватной палочкой с воротника, зоны подмышек. Короче, сделаю все, что написано в статьях, которые я целую ночь читала в интернете.

Затем мы с сестрой сможем провести анализ и получить доказательства, что Кайсаров является отцом ребенка Ниночки. С полученным заключением я заставлю его ответить за содеянное, припру к стенке. Заставлю на сестре жениться, стать лучшим из возможных отцов для малыша!

Ребенок заслуживает хорошей счастливой жизни.

Мы с Ниной выросли без родителей. Нас растила двоюродная тетка, которую интересовало лишь детское пособие. Его она тратила на своего молодого любовника, нам с Ниной выделяя ровно столько, чтобы с голоду ноги не протянули.

Тяжело было, вспоминать не хочу.

У Нининого малыша все будет по-другому. И мама. И папа!

Даже если этот папа, прости господи, бабник Кайсаров.

— Какие нежные пальчики, — моя ладонь вдруг оказалась в мужской. — Думаю, нам хватит игр. Хватит, малышка, я оценил.

— Каких игр? — я вздрагиваю. Неужели он каким-то образом обо всем догадался?

Кайсаров мог. У него огромная, очень успешная компания, которую потопить не в силах никакие конкуренты. Такой, как он, видеть должен далеко вперед, читать людей как открытые книги.

А что я?

Рядовой бухгалтер, целыми днями погруженный в цифры в офисе Кайсарова. Есть еще несколько небольших фирмочек, чью отчетность веду удаленно. Пашу до ночи, потом валюсь спать. Не всегда получается даже нормально пообедать или отдохнуть. Мне же за двоих нужно работать — за себя и Нину.

Теперь за троих.

— Твоих, малышка. Как зовут?

Кайсаров выбрасывает липкие влажные салфетки, раскрывает мою ладонь в своей и принимается поглаживать ее центр. Приятно до мурашек, словно там место какое-то особенно чувствительное.

— Майя, — я стараюсь добавить голосу уверенности. — Майя Кирилловна Старжинская, бухгалтер.

— Майя, — в голосе генерального появляются томные тягучие нотки. На губах хищный оскал. — Странно, что я не видел тебя раньше.

Ничего странного, я считаю. Юбка у меня всегда ниже колена, вырез блузки целомудренный. Волосы в пучке, косметикой и ярким маникюром не увлекаюсь. Я противоположность всему тому, что Кайсарову нравится.

— Что вы делаете? — перехожу на шепот, наблюдая за тем, как пиджак начальника улетаёт на диван, а следом за ним и галстук.

— А на что похоже? Раздеваюсь, — Кайсаров невозмутимо расстегивает пуговицы и срывает с себя залитую кофе рубашку.

— Зачем?

Передо мной раздеваться зачем? Можно же было просто через секретаршу передать рубашку.

Я пячусь от спятившего Кайсарова, натываясь спиной в дверь. Ладонью пытаюсь нащупать ручку, но ее нет.

Да как отсюда выбраться?!

В шоке отрываю взгляд от оголившейся мужской груди.

Поднимаю его выше, встречаясь с насмешливыми глазами генерального.

— Брось. Не просто так ты все затеяла, явно рассчитывала запрыгнуть в мою постель, — Кайсаров нетерпеливо облизывается. Его порочный взгляд гуляет по моей скромной блузке и узкой юбке.

От шока не могу вымолвить и слова, так и стою с открытым ртом.

Действительно рассчитывала, но на другое!

Извиниться, забрать его рубашку в химчистку и добыть ДНК для анализа, чтобы призвать мерзавца к ответу.

Его стриптиз в мои планы не входил. И все то, что он себе надумал, тоже.

— Обычно я не балуюсь скромницами, — продолжает мурлыкать бархатно. Ладони ловко забираются под мой пиджак, принимаясь за пуговички блузки. — Но для тебя готов сделать исключение. Вижу, ты просто пока не научилась просить у мужчины того, что тебе очень хочется.

Активно мотаю головой, показывая, как он не прав. Пальцы судорожно застегивают расстегнутые пуговички, ведя неравную борьбу с более проворным Кайсаровым.

— Уберите руки, — получается с дрожью в голосе.

— Продолжай в том же духе, мне нравится. Пиздец заводишь, — хищный, темнеющий взгляд начальника повергает в панику. Проворные ладони задирают юбку, обнажая кружевные чулки и миниатюрные стринги. — Так и знал.

Что он знал? Что в наш кабинет, где бабули постоянно врубают батареи на максимум и температура как в тропиках, лучше надевать чулки, а не колготки? Что контур обычных трусов под тканью моей юбки будет виден, и поэтому я ношу стринги?

Мужчины все что угодно готовы в свою пользу истолковать!

Извращенные создания.

Выхода нет, поэтому я упираюсь ладонями в голую грудь перед собой. Толкаю, пытаюсь генерального от себя отлепить. Но как этот шкаф по фамилии Кайсаров подвинешь.

— Девочка хочет повышение? Надоело в бухгалтерии? — возбужденно шепчет мне на ухо. Затем кусает за мочку, скользит влажным языком по шее.

Что?

ЧТО?

ЧТО?!

— Вы спя?... — не успеваю договорить, даже воздуха глотнуть достаточно не успеваю, как мой рот оказывается зажат. Жестко, бескомпромиссно, нагло. Язык Кайсарова ныряет сразу глубоко, до самых желез.

Он точно спятил, приняв меня за офисную подстилку, готовую расставить ноги перед боссом за продвижение по карьерной лестнице. Пара протестующих глухих ударов в грудь. Мое отчаянное мычание. Звук трескающейся ткани трусов.

Кайсаров же меня сейчас... о боже... прямо у двери...
Как я Нине в глаза посмотрю?

Отчаянно полосую ногтями по груди начальника и, пока он замешкался, отскакиваю в сторону. Дверь закрыта и прижата его кулаком, так что мне приходится искать укрытие за длинным столом для переговоров.

— Да послушайте. Вы все не так поняли, — тяну юбку вниз, судорожно застегиваю блузку. На разорванные трусы, валяющиеся рядом с Кайсаровым, стараюсь не смотреть. Маньяк, просто взял и сорвал. Псих больной озабоченный.

Женщина же сказала нет!

Нет — значит нет.

Хотя о чем это я... Такие считают, что им можно все. И девочку глупенькую в клубе затащить в випку, и с сотрудницы в кабинете прямо у двери сорвать белье.

Ненавижу!

— Ну, конечно.

Кайсаров проводит ладонью по расцарапанной груди.

Хмыкает.

На меня смотрит со злым прищуром.

— Знаешь, сколько раз девки в этом месяце меня заливали кофе? Трижды, блядь, и все нечаянно, — он оскаливается. Взгляд с моего растерянного лица соскальзывает на юбку, под которой больше нет белья. — Задалбываюсь из-за вас переодеваться.

Шумно хватаю ртом воздух. Прикрываю ладонью горя-

щие от поцелуя губы. Ну я же не знала, что мой прием окажется настолько банальным.

И вот!

Попалась.

Генеральный лениво двигается к столу. Я отступаю вдоль стеклянной столешницы. Еще немного, и он прыгнет через него, настигнув свою добычу, словно голодный тигр. Мне кажется, разъяренный и лишенный желаемого Кайсаров на такое способен.

— Тимур, слушай, надо переговорить, — в дверях застывает наш начальник службы безопасности. Его ошарашенный взгляд мечется от раздетого по пояс, расцарапанного генерального ко мне растрепанной, потом к разодранным трусам под его ногой. — Помешал? — спрашивает глухо Кравцов.

— А ты как думаешь? — цедит Кайсаров.

— Нет, совсем нет, — меня заливают краской стыда. Боже, что он подумал о нас. А если узнают все? — Я уже ухожу, — направляюсь на выход, стараясь держаться от генерального как можно дальше. Тот складывает руки на расцарапанной груди, наблюдая за моим побегом со скепсисом. Ну да, куда я денусь от него в офисе, который ему принадлежит.

Вылетаю из кабинета пулей, беспардонно тесня бедного Кравцова в сторону. Пролетаю мимо секретарши, не слушая ее возмущений.

Лестница, ступеньки, женский туалет на нашем этаже.

— О боже! — отшатываюсь от зеркала: помятая блузка с криво застегнутыми пуговицами, волосы в беспорядке, размазанная по лицу помада, поехавший чулок.

Стыд какой!

— Что теперь будет?

Ко всему прочему я еще и сумочку где-то в кабинете Кайсарова потеряла. Возвращаться за ней страшно, а там паспорт, кошелек с деньгами, телефон.

Ну и кашу я заварила, а нужного так и не получила.

Горько усмехаюсь. Нашла с кем тягаться — с Кайсаровым. Неловко провожу ладонями по бедрам; без белья чувствую себя странно. Кажется, я выйду, и все поймут, что его на мне нет.

— Он меня уволит, — безнадежно разглаживаю мятую ткань блузки. Я не просто ему отказала, а еще расцарапала грудь. Кайсаров такого не забудет.

Наверное, меня вообще выставят из компании с волчьим билетом прямо сегодня.

Глава 02

Тимур

Бухгалтерша сбежала без трусов.

Бабы дуры.

Сначала сами лезут, потом начинаю включать режим «я не такая».

Вынимаю из стенного шкафа новую рубашку. У меня их десяток в офисе на случай форс-мажора. Такого вот идиотского, как устроила девка.

Они что, думают, будто умнее всех? Или что если вылить на начальника кофе, потом лапать его начать, то он их сразу в ресторан позовет, дальше на Мальдивы, а там и до загса недалеко?

Это наивность или тупость?

Я склоняюсь ко второму.

Уволить ее хочется, руки чешутся.

— Сувенир, — по стеклянной поверхности стола скользят разорванные трусы. Адам садится за стол для переговоров, руки складывает домиком. Бросает на меня осуждающий взгляд. — Надоели те, кто дает просто так или за деньги? На экстрим потянуло? Проблем не боишься? Может же и заяву накатать.

— Смешно.

Застываю перед зеркалом, разглядывая расцарапанную

грудь. Провожу пальцами по красным следам, морщусь. Глубоко ногтями не вошла, но шкуру мне попортила.

И зачем?

За такое точно уволю.

Ты если собралась перед начальством ноги раздвигать, то доводи задуманное до конца. А так и мне нервы попортила, и ничего не получила. А я бы такую хорошенькую продвинул... в своей постели. Серьезной бы должности не дал, потому что на работе работать надо, а не шалавить.

В любом случае хорошо развлекся и уволил бы с приличным выходным пособием. Милашка могла бы потом полгода не работать. И никто не в обиде.

— Серьезно Тимур, перегибаешь.

Одевшись, поднимаю с пола женскую сумочку. Недорогая и потасканная, такую давно пора выбросить на помойку. А вообще даже покупать ее не стоило. Костюм на девочке тоже был скромным, украшений никаких. Зато внутри дешевой обертки милый бриллиант.

Из сумочки доносится стандартная мелодия. На дисплее простенького смартфона появляется имя абонента.

— Ниночка, — сбрасываю звонок и выключаю звук. В исходящих никого типа муж, жених, любимый или котик. Мужских имен немного, и встречаются они редко. Больше всего девчонка разговаривает как раз с Ниночкой, еще с Викой. Во входящих больше двадцати пропущенных от тетки. Так и написано большими буквами «ТЕТКА».

Сразу понятно, родственницу хозяйка сумки не сильно жалует.

Майя.

Да, ее зовут Майя.

— Есть что интересное? — Адам подпирает кулаком щеку, взгляд скептический. Ну да, сначала рвал трусы, потом копаюсь в ее сумке. Ничего необычного.

— Еще бы, — достаю ламинированную карточку с молитвой, — «Отче наш».

Может, она еще и молилась перед встречей со мной?

М-да...

Что у баб в голове вообще?

Ну реально?

Верующая потаскушка.

Это сейчас так модно?

— Я закажу нам кофе, — Адам набирает номер секретарши, промурлыкивает ей стандартную порцию комплиментов и просит зайти. — Я же могу ее?.. — уточняет на всякий случай.

— Можешь, — закатываю глаза, — только она тебе не даст. У Вали иммунитет на мудаков, именно поэтому она пять лет рядом со мной и продержалась.

— И тебе не дала?

— Нет.

— Значит, пробовать действительно бесполезно, — цокает Адам, сопровождая жадным взглядом подтянутую задни-

цу моей секретарши. Та даже бровью в его сторону не ведет. На рваные трусы передо мной глядит равнодушно, ставит кофе на стол.

— Что-нибудь еще?

— Принеси мне дело Старжинской Майи Кирилловны.

— Хорошо.

Когда Валя уходит, закидываю трусы в выдвижной ящик стола. Черное кружево расплзается по канцелярским принадлежностям. Какого черта упираться начала?

— Уверен, что проблем не будет? — гнет свою линию Кравцов. — Нам и так хватает.

Знаю, о чем он. О моей недавней бухой выходке.

Да откуда я мог знать, что в элитные проститутки затесалась журналистка. Еще одна беспринципная сука. И трахнулась хорошо, и грязь из меня пьяного вытянула на свой диктофон. Где она его только прятала? Голая же была совсем.

— Не будет. Вернешь, — я швыряю Кравцову сумку, отпиваю кофе. Провожу ладонью поверх рубашки по ноющей груди. Что делать с этой психованной?

Или не психованной?

— Знаешь что, а присмотрись к ней на всякий случай. Что, если это какая-нибудь очередная подстава? На этот раз с изнасилованием. Подобная информация поскандальнее шлюх будет.

— Думаешь, Дементьев? — Адам спрашивает осторожно, разглядывая кофе в своей кружке. На меня не смотрит.

Внутренне взрываюсь. Сколько можно?

Да я давно пережил этот пиздец. Перебесился и забыл. Осталось только равнодушие и выученный урок: нехуй близко к себе подпускать людей.

Был лучший друг — и сплыл.

Жена оказалась продажной шалавой.

И что? Жизнь продолжается.

Нет никакой трагедии!

Нет!

Знаю, что в Майе меня зацепило. Взгляд ее беззащитный, напускная невинность, как у Лады в свое время. Строят из себя ангелочков: глазки в пол, румянец, скромные юбки. А на самом деле в сто раз хуже профессиональных проституток. Те не скрывают, кто они, и просто берут твои деньги. А эти нож в сердце с улыбкой всадят и провернут. Все заберут, а тебя раздавят.

Но я уже наученный, второй раз со мной не прокатит. Проверю эту Майю и, если чистая, без подозрительных связей, ногой под зад из компании. Пусть себе ищет другого директора, который на ее невинные глазки и уловки вестись будет. Ну а если снюхалась с Дементьевым, получит по полной программе, как и он.

— Кто ж еще, он, — оскаливаюсь зло. — Уверен, журналистка — его рук дело. Мозгов у гниды не хватает играть по правилам.

Наверняка думал, что я загнусь после развода и тех аме-

риканских горок, что оба мне устроили. Но выяснилось, что на боли и злости можно очень хорошо подняться. Не распыляешься больше на ерунду, тупо идешь к цели. Не спится — работаешь, лезут в голову тупые мысли — работаешь. Да и просто работаешь.

— Позвони, если что-то найдешь на Старжинскую, — отпуская Кравцова и переключаясь на дела.

Решение текущих вопросов успокаивает, там не нужно проявлять никаких эмоций. Максимально сосредотачиваясь, все просчитываешь.

К вечеру от напряжения начинает болеть голова. Валя, как обычно, заказывает для меня девочку. На этот раз проверенную, с которой не будет проблем.

Когда я уже в пути на квартиру, которую я содержу исключительно для интимных встреч, звонит Кравцов.

— Я тут немного покопался в биографии твоей Майи Старжинской. Живет с сестрой, та студентка. Левачит от тебя немного.

— В смысле?

— Ведет несколько мелких фирм, откладывает деньги на счет. Недавно обращалась в банк по поводу ипотеки.

— И как?

— Отказали. Еще кое-что, — он откашливается, — я посмотрел камеры. Она тебя двадцать минут караулила у лифта.

— Вот как, значит...

А я еще допускал, что могу ошибаться.

Караулила.

Чего тогда в кабинете ломалась?

В ее личном деле все тоже довольно гладко. Работает хорошо, взысканий нет. Обращалась за помощью по кредиту, но ей отказали.

Мы отказали, в банке тоже. А жилье свое девочка хочет...

Вопрос: на что она может пойти, чтобы быстро достигнуть своей цели?

— Копай дальше.

Отключаю звонок. К девке ехать расхотелось, настрой сбился. Отменяю и разворачиваюсь в сторону дома. У подъезда элитной многоэтажки кипиш. Наш охранник с консьержкой зажимают кого-то в темном углу за лестницей и матерятся.

— Что случилось? — заглядываю в угол. Темно, ни фи́га не видно за этими двумя охотниками. Но там что-то мелкое, точно не человек.

— Кот паскудный, — кричит консьержка с веником, — стащил у меня еду. Нет, ну вы представляете? Только отвернулась на секунду. Как только в подъезд попал? Я сколько раз говорила, что нужно службу отлова вызвать, сколько? — причитает, вытирая вспотевший лоб платком.

Заглядываю ей за плечо — в углу еле видно черного кота. Только глаза злые зыркают. В зубах трофейный кусок мяса. Худой, хвост обрубленный.

Судя по настрою, сдаваться не собирается. Уважаю таких, они жить заслуживают.

— Наверное, и мышей ловить умеет, — снимаю пиджак и набрасываю на кота. Тот ревет и дерется, пока я его скручиваю.

— Дорогой же, — охает консьержка, глядя на пиджак, — мы бы сами его, Тимур Робертович. Сейчас пойду вызову отлов.

— Не надо, — встряхиваю под мышкой мяукающий пиджак, — себе возьму. А то жить что-то скучно стало.

— Вам бы породистого, — вставляет охранник, — вот моя дочка продает британцев. Серые, шерсть, как у мягкой игрушки, глаза желтые.

— Не надо, знаю я этих ублюдков породистых, хрен за что благодарны будут, — поплотнее закручиваю пиджак, из которого кошачья задница с обрубком хвоста вылезает. — Пошли, дружбан, знакомиться будем.

В квартире кот застывает прямо посреди белого пушистого ковра в гостиной. Лапами грязными по незнакомой поверхности переступает, на меня оглядывается. В шоке пушистая бандитская морда, в таких местах и не бывал никогда.

Достаю смартфон и пишу задание для клининговой компании на завтра:

«Химчистка ковра в гостиной». Стираю. Пусть лучше всех ковров в квартире, мало ли где он будет тусоваться сегодня. «Помыть кота». Тут ставлю три восклицательных знака.

Ничего необычного вроде. Заодно пусть когти постригут.

Кот на ковре начинает неистово чесать задней лапой по загравку, чем вызывает мое подозрение насчет блох. А там еще и лишай какой-нибудь может быть.

Твою мать.

Нашел приключений на свою задницу.

— Лучше бы я к шлюхе поехал. С ней проблем было бы меньше, — подхожу к коту, который с ковра так и не сдвинулся. Сидит черным пятном, обнюхивается. — Жрать хочешь?

При слове «жрать» кошка мгновенно наостряет уши в мою сторону, облизывается.

Ну вот, умный. Дворовый потому что.

Присаживаюсь на корточки перед ним, протягиваю ладонь к поцарапанной морде. Пока я разглядываю его боевые раны, кот дерзко ударяет меня лапой по пальцам, шипит. Спину выгибает дугой, шею на холке встает дыбом.

Молодец кот, авторитет на хате зарабатывает.

Оставив живность осваиваться, отправляюсь на кухню. В холодильнике пустые полки, и только одинокая бутылка водки на дверце позвякивает.

— Придется заказать.

Варю себе кофе, на тыгыдык в гостиную внимания не обращаю. Со всем завтра разберется клининг. Я им такие бабки плачу за пыль, что в кои-то веки будет с чем поработать.

Закидываюсь таблеткой от головной боли — после рабо-

чего дня голова шумная, тяжелая.

По квартире разлетается противный звук дверного звонка. На часах десять. Кому я мог понадобиться?

Через телефон смотрю по камерам, кто пришел. У подъезда топчется двоюродный брат.

— Какого черта? — его сегодня в офисе не было, и отлично день прошел. Я надеялся, что взбучка будет отложена до завтра. Но нет же, на ночь глядя приперся меня учить.

«Открывай», — читаю по его губам.

Нажимаю на кнопку, впуская Тимофея в подъезд. Все равно не отстанет.

Пока поднимается, заказываю ужин на двоих — себе и ко-ту по стейку. На улице выжил, теперь пришел черед ништяков и сытой жизни.

— И как ты это объяснишь? — разворачивает брат ко мне обложкой тот самый журнал.

Ни привет тебе, ни пока. Сразу к делу.

— Это подстава, и ты сам знаешь чья, — спокойно отвожу глянцевого журнала пальцем в сторону.

Тимофей заходит в квартиру. Он Тимофей, я Тимур. Два Тимки. Мы родились с разницей в три дня, и нашим мамам показалось забавным назвать нас так. В детстве все думали, что мы чуть ли не близнецы, но с возрастом мы стали отличаться сильнее. В Тимофее проявилось больше от матери — мягкость в чертах, светлее волосы. А я так и остался черным и резким. Казалось бы — внешность, но благодаря ей брата

в СМИ показывают чуть ли не ангелом, в то время как меня рисуют поехавшим дьяволом. Ну и еще мои выступления на публику играют роль. Брат так не светится. На кофейный столик у дивана Тимофей бросает бульварный журнал, там фото со мной бухим в хламину. Я на обложке у шлюхи-журналистки прямо в декольте отдыхаю. Рядом приземляется второй бизнес-журнал, где он, вылизанный красавчик, рассказывает о наших инновационных технологиях в сфере строительства.

— Невозможно подставить того, кто не дает поводов, — Тимофей садится на диван. С брюк стряхивает невидимые пылинки, на ковер с грязными следами смотрит брезгливо.

Педант хренов.

— Мне надо было отдохнуть, расслабиться, — сажусь в кресле напротив. Тяжелую голову кладу на спинку. Все, чего я хочу, это уснуть. Лечь спать и проснуться только утром. А лучше через неделю.

— Отдохнул, — Тимофей морщится. — Детей он не хочет, проституток ему подавай.

— Зато честно...

— Ты хоть понимаешь, чем нам твоя выходка грозит?

— Понимаю, я не идиот.

— Держи свои грязные секретки при себе, Тимур. Сколько раз говорил? На публике будь добр, играй милого парня.

— Как ты? — усмехаюсь.

— Именно, — брат холодно оскаливается, — ни одна из моих любовниц к журналистам не пойдет и треш не устроит.

— Естественно, они же все замужем.

— Разумеется. И не за простыми людьми, им есть что терять.

Нас отвлекает грохот кабинете. Судя по звуку, упал цветочный горшок, стоящий на подоконнике. Нашкодивший кот вылетает из дверей и бежит в гостиную.

— Это что?

— Мой кот.

— У него в зубах трусы? — щурится Тимофей. Глазастый любитель женского белья, сразу засек. Кот трусы бухгалтерши, которые я с собой с работы прихватил, вытащил из кармана пиджака. Нашел игрушку.

— М-да.

— А хозяйка где? Я думал, ты домой шалав не таскаешь?

— Не таскаю, забудь, — киваю задумчиво. Снова эта Майя в голове всплывает.

Горячая волна неудовлетворенного желания прокатывается по телу, заставив вспомнить нашу стычку в кабинете. Ее расширенные испуганные глаза, дрожащие пухлые губки, нежную кожу.

Зацепила девка. Именно тем, что не дала.

— И давно у тебя новый жилец?

— Минут двадцать как, — я прогоняю из головы мысли о бухгалтерше. Что с ней делать, буду завтра разбираться. Она

от меня точно никуда не денется.

Сегодня же есть дела поважнее.

Кот кладет перед моими ногами трусы и принимается громко мяукать. Жрать просит.

— Доставка через пять минут, — я забираю окончательно растерзанные его зубами трусы.

Нехорошо с моей стороны, конечно. Белье снял, и ходила горячая малышка без трусов по офису весь день. Нехорошая девочка.

— Не хочу показаться занудой, а он точно не заразный?

— Заразный, Тимофей, еще какой. Тебе пора.

— Бля, Тим. Что в детстве, что сейчас. Таскаешь в дом всякую гадость. Пойду я, дела.

— Знаю я твои дела ночью. У любовницы муж в командировке, да? — провожаю брата до двери. Вообще прав он, надо бы сгонять в ветеринарку сегодня. Пусть кошака глянут, пару уколов ему шамальнут от всего.

— В следственном изоляторе за махинации с инвестициями, — Тимофей грязно усмехается. — Поеду, утешу жену будущего декабриста пару раз.

— Ясно, удачи...

Захлопываю за братом дверь, смотрю на чешущегося кошака.

— Ну что? Пожрем — и в ветеринарку?

Глава 03

Майя

Вернулась домой без трусов.

В глаза сестре смотреть стыдно. Она в Кайсарова влюблена, у них будет ребенок, а тут я влезла.

Об инциденте в кабинете генерального Ниночке решила ничего не говорить. Думаю, после того, как все выяснится с отцовством, этот эпизод останется в прошлом. Кайсаров сам предпочтет забыть, что сестру своей будущей жены принуждал к сексу и рвал на ней белье.

Да, от своего плана женить генерального на Нине я, несмотря ни на что, не отказалась. Мужчины они такие: пока на вольных хлебах, изображают из себя мачо и самцов, а потом, как женятся и женщина окружит их лаской, появятся дети, становятся совсем другими.

Кайсаров тоже изменится.

Должен.

— А может, зря мы все это затеяли? — Нина ставит ужин на стол, сама присаживается рядом.

У нее жуткий токсикоз последние недели, почти от всего тошнит и вкусы странные в еде, поэтому ужины у нас очень специфические. Куриная грудка на пару без соли и специй, но с солеными огурцами и маринованными помидорами. Каша овсяная на молоке, цикорий.

— Ты уверена, что эти продукты можно сочетать? — я с сомнением заглядываю в тарелку.

— Да, я уже проверила, поела без тебя. Там на десерт еще желе фруктовое.

— Отлично.

Из предложенного набора я решаю остановиться на грудке, добавила к ней кусочек хлеба и полудохлый свежий огурец, затерявшийся в холодильнике.

— Нина, а он тебе действительно нравится? Вы же только один раз с ним... ну...

— Очень. Все время о нем думаю. Считаешь, глупо? Он ведь просто воспользовался мною, обманул. Мужчины часто так делают с такими дурами, как я, да? — Нина стирает слезу, скатившуюся по щеке. — Как я могла так попасть, Майя? А?

Знаю я как.

На себе испытала.

Если такой, как Кайсаров, обратит на тебя внимание, прижмет, поцелует, то шансов у женщины никаких. Меня спасло только то, что я о Нине думала и понимала, как неправильно по отношению к ней поступаю.

В голове до сих пор вспыхивают воспоминания о его наглых прикосновениях к голой коже. Жесткий поцелуй, от которого до сих пор жжет губы. Слова развратные, тяжесть тела, взгляд, полный похоти.

— Пойду спать, завтра на работу рано, — целую сестру

в макушку и иду в душ. Мне очень хочется немного побыть одной, подумать.

Сегодня меня не уволили, хотя я думала, будет именно так. Кравцов через час после инцидента принес мою сумочку на рабочее место и поставил на стол, взгляд был непроницаемым. Хотелось спросить, что со мной будет, но в нашем серпентарии лучше вообще помалкивать. Бухгалтерия — это место, в котором любой слух распространяется как пожар, приукрашивается. Один намек на недоразумение в кабинете генерального, и я была бы объявлена офисной шалавой. Со мной бы даже разговаривать перестали.

У нас же приличный отдел. Тут женщины до пенсии сами доработали, со старшим Кайсаровым начинали, любое повышение заслужили. А тут я...

Спалось мне ужасно.

Хотелось сказать, что мучили кошмары. Но было совсем наоборот.

Мне снились очень приятные жаркие сны, в которых я таила в руках Кайсарова. Не думая ни о чем, отдавалась его сильным рукам, тонула в своих столах.

На следующий день на работе меня ждал сюрприз. Придя на рабочее место, я обнаружила под листом бумаги А4 плоскую черную коробку из матовой бумаги. По центру выдавлен логотип неизвестного мне бренда.

— Это я спрятала, — Вика перегибается через стол, — пока наши ведьмы не увидели. Что там?

Я медленно приоткрываю коробочку и ахаю. На черной шелковой подложке, распятые тремя булавками, лежат красные кружевные стринги.

На стрингах записка, написанная от руки: «Эти я тоже порву».

— Там... тут... эм-м-м, — блею невразумительно.

По телу проносится удушливая горячая волна, в висках стучит. Кайсаров окончательно спятил?

— Офигеть! — Вика перемещается мне за спину и заглядывает в коробку. — Это от кого?

— От того, кому я это верну обратно. Прямо сейчас, — оглядываюсь по сторонам.

— Если не понравились, можешь отдать мне. Я за такие душу продать готова, — глаза Вики сияют.

Ей бы такие трусы действительно подошли намного больше. Вика очень яркая брюнетка. Красная помада и черные размашистые стрелки для нее как униформа.

— Мне нужно их вернуть, — я вздыхаю.

— Это кто-то крутой? — не унимается подруга. — Скажи имя, скажи.

— Не могу, — шикаю на нее, замечая чужие заинтересованные взгляды.

— Черт, меня сейчас порвет на тысячу маленьких Вик, — она садится за свой стол. Прикусывает колпачок ручки и смотрит на меня с укором.

Я мотаю головой и, прихватив папку с отчетом, куда спря-

тала коробку, направляюсь на выход. Я верну эти треклятые трусы, еще раз разъясню Кайсарову, что он меня неправильно понял, и на всякий случай попрошу меня не увольнять. О способе, как достать его ДНК, подумаю позже.

Перед приемной мнусь. Секретарша видела меня вчера растрепанную и подумала бог весть что. Наверняка, что у меня с ее боссом был секс.

Хотя я так быстро бежала, что можно было подумать, что просто спешила по делам. Может быть, она и не заметила ничего странного в моем виде. Никто же в компании не обсуждает меня, значит, Валентина никому ничего не рассказала.

— Подскажите, пожалуйста, Тимур Робертович у себя? — стараюсь сделать свой вид профессиональным и не выдать, как волнуюсь. Я действительно могла прийти по работе, у меня отчет в руках.

— А вы по какому делу?

— Главбух послала, Анна Петровна, вот отчет, — сжимаю в руках папку, в которой запрятана коробка.

— Проходи, — кивает секретарша в сторону кабинета.

Нажимаю на дверную ручку и просачиваюсь в кабинет. Стоит встретиться взглядом с Кайсаровым, как щеки начинают гореть. Он усмехается, разглядывая меня в брючном костюме. Поправляю на себе пиджак и кладу черную коробку на край длинного стола для переговоров.

— Не понравились? — спрашивает хрипло.

Генеральный откатывается в своем кресле и встает. Мед-

ленно идет в мою сторону. Взгляд спокойный, расслабленный, поэтому я не срываюсь и не бегу на выход.

Не станет же он повторять вчерашнюю выходку...

— Уверен, с размером я угадал, — Кайсаров опирается бедрами о стол и золотой ручкой, которая была зажата у него в пальцах, скидывает крышку с коробки. Вынимает булавки из кружева и цепляет указательным пальцем стринги. Зачем он?.. Мне и так стыдно!

— Тимур Робертович, вы вчера меня неправильно поняли, — отвожу взгляд от маячащего перед глазами красного кружева. Я сама наверняка одного цвета с ними стала, так кожа начинает гореть на щеках и шее.

— Неправильно? — густая темная бровь дергается наверх.

— Неправильно! — отвечаю упрямо.

Выхватываю у него треклятые трусы и швыряю их обратно в коробку, поправляю на себе скромный пиджак. Держу спину прямо, встречаясь с его скептическим взглядом. Молчим оба, и постепенно напряжение становится невыносимым.

Он уволит, точно уволит. Прямо сейчас. Наверняка еще и по статье!

— М-м-м-м... тогда мне стоит извиниться?

Что?!

— И вы меня не уволите? — быстро моргаю, такого я точно не ожидала.

— Нет, Майя, — он протяжно вздыхает, — и еще мне ка-

жется, я должен загладить свою вину.

— Нет-нет, все в порядке.

— Я настаиваю, — Кайсаров задумчиво проводит большим пальцем по отросшей на подбородке щетине. — Приглашаю тебя в ресторан сегодня вечером, Майя.

— Ресторан? — переспрашиваю неуверенно.

— Ты, я и полный зал людей, плюс обслуживающий персонал, чтобы тебе не было страшно.

— Мне не страшно.

— Вижу... Отказ не принимается, Майя. Мы просто посидим, выпьем по бокалу вина. Мило побеседуем, и ты увидишь, что твой руководитель не такая несдержанная горилла, как могло показаться вчера.

— Тимур Робертович, в самом деле, мне достаточно, что мы просто прояснили ситуацию. Я о ней никому не расскажу, если вы переживаете. И ресторан совсем не обязателен...

— Майя, ты же не хочешь меня обидеть?

— Эм-м... Нет.

— Вот и отлично, — он бросает взгляд на часы. — У меня встреча, так что до вечера.

— Хо-хорошо...

На негнущихся ногах выхожу из кабинета и отправляюсь к лифту. Как я о походе в ресторан Нине расскажу? Это ее точно не обрадует. И она может подумать не то. Будто я сама хотела. А я не хотела... Он сам...

— Лифт вызывать будем? — раздается вкрадчиво на ухо,

и я подскакиваю.

— Задумалась, — жму на кнопку. Двери открываются сразу, и я забиваюсь в угол кабины. Гадлевский входит следом, внимательно осматривает меня с ног до головы.

Тимофей Денисович наш финдиректор и двоюродный брат Кайсарова. По слухам, ужасный педант и тиран. Мне с ним общаться лично не приходилось, на все совещания от отдела ходит наш главбух Анна Петровна. Возвращается она с них белой и нервной, часа два после просит ее не беспокоить. Пьет крепкий кофе и заедает коробкой зефира в шоколаде. Она у нас женщина с железными нервами, поэтому меня Гадлевский пугает вдвойне.

С братом они немного похожи. Но если от Кайсарова горячие мурашки по телу, то от Гадлевского — ледяные и колющие. Кому он может такой понравиться, не знаю.

— Выходить будем? Или тоже задумалась? — он кивает на открывшиеся двери лифта. Голос такой же холодный, как и его взгляд.

— Выхожу, — мышью проскакиваю мимо финдиректора. Вот на кого бы я не решила вылить кофе, так это на него. Мне кажется, Гадлевский бы меня уволил в ту же секунду и даже слушать не стал.

В отдел прихожу как раз вовремя — кадровик пришел с новой стопкой договоров о неразглашении.

— Зачем? Мы же подписывали не так давно, — морщусь, разглядывая стопку бумаг мелким шрифтом.

— Пункт десять и двенадцать — ужесточение ответственности. Приложение три — новый список документов, которые подпадают под неразглашение.

— Да уж, — быстро просматриваю. В новом перечне даже самые безобидные бумажки.

— Копают под них, вот и страхуются, — Арсений Никифорович вытирает пот со лба носовым платком. — Подписывай — или на выход. Нам кроты не нужны, — трясет пальцем.

— Ну какие из нас кроты? — Вика прикусывает губу, чем вызывает у кадровика приступ тахикардии. Тот опять вытаскивает свой платок и стирает пот с лица.

— Инсайдерская информация, Викуля, на вес золота для конкурентов. А ты думаешь, кто ее сливает, если не свои?

— Мы не сольем, — ставлю размашистый росчерк и отдаю документы обратно. За последний год наша «СтройДом» стала действительно самой крупной компанией в городе, и это многим может не нравиться.

— Теперь точно. Там такая ответственность, что я бы точно не рисковал на вашем месте, — Никифорович перед уходом строго грозит нам пальцем.

— Да что тут сливать? — Вика закатывает глаза.

— Лучше помолчи, Виктория, если не понимаешь. И займись делом, — Анна Павловна раздраженно снимает очки. — Остальных тоже касается.

Я с ней согласна. У нас все цифры, отчеты, данные постав-

щиков. За такое любой конкурент заплатит, и немало.

«Старая гримза достала», — Вика присылает сообщение.

Затем с работы она перескакивает на моего «таинственного» поклонника.

«Он из верхушки?»

«Я видела, как ты поднималась на лифте».

«Он женат?»

«Извращенец?»

«Майя, не томи!»

«Если тебе не нужен, я хочу».

Смотрю на нее поверх монитора, качаю головой. Нельзя быть такой ветреной.

Нина звонит ближе к концу дня, вводя меня в ступор:

— Майя, знаешь. Я решила, что если Тим сам меня не искал, то я ему и не нужна.

Понятно, гормоны шалют...

— Ниночка...

— Я сама ребенка подниму, выучу, — сестра шмыгает носом. — Работу уже нашла в больнице, где мы практику проходим.

— И кем? — я закатываю глаза.

— Санитаркой.

— Так и знала... это несерьезно.

— Возьму академ, подзаработаю. А там пособие по уходу за ребенком будет.

— Нина, не пори горячку.

— Он меня не искал! Для него это был случайный секс, а я, дуручка, сама во всем виновата. Зачем я Тиму такому идеальному и успешному сдалась вообще?

Успешный — согласна.

Идеальный — это Нина, конечно, перегнула. Кайсаров какой угодно, только не идеальный.

— Так что не надо ничего доставать, никакого ДНК не надо. Я справлюсь сама.

В трубке раздаются короткие гудки.

Я с Ниной не согласна. Тем более у меня есть еще один шанс, чтобы заполучить какую-нибудь вещь Кайсарова. Салфетка, ручка, что угодно.

Я иду в ресторан только за этим. Никаких чувств к Кайсарову у меня нет. Это все аффект, я просто никогда не встречала таких, как он, вот коленки при нем и подгибаются. Это пройдет, как только я увижу тест ДНК. Я Нине верю, но я хочу увидеть стопроцентные результаты.

В клубе было темно, алкоголь, прошел почти месяц. Я не сомневаюсь, я хорошая сестра.

Но...

Черт!

Я хочу увидеть результат.

За минуту до конца рабочего дня приходит смс с незнакомого номера. Тимур Робертович ждет меня на подземной парковке нашего бизнес-центра.

Спускаюсь на лифте на минус второй этаж, и водитель ге-

нерального распахивает передо мной дверь тонированного внедорожника. В темном салоне я вижу контуры мощного мужского тела. По телу расползается жар — я снова окажусь с ним рядом.

Глава 04

В машине пахнет дорогой кожей и парфюмом Кайсарова. Сам он разговаривает по телефону, мне рассеянно кивает.

— Копай дальше, Адам. Я тебе за что деньги такие плачу? Нет, этот результат меня не устраивает. Все, завтра положишь, — генеральный завершает звонок и оборачивается ко мне. — Немного прокатимся.

— Хорошо, — робко встречаюсь с ним взглядом, — мы же ненадолго?

— Поздно не задержу. Торопишься? — в его руках снова вибрирует мобильный. Кайсаров долго смотрит на экран, затем смахивает вызов. — Пожалуй, на сегодня хватит, нужно отдохнуть, — переводит смартфон в режим без звука и прячет в кармане пиджака.

— Завтра на работу рано вставать.

Мужчина широко улыбается:

— Перед тобой самый главный босс всех боссов на твоей работе. Он может разрешить тебе выйти попозже или даже взять отгул. Он проштрафился, так что пользуйся.

На последних словах в его голосе появляется легкая хрипотца, а взгляд цепляется за мои губы.

Все же ехать с ним в ресторан было плохой идеей.

Машина мягко тормозит у пафосного заведения «Икра». Я тут ни разу не была. Знаю только, что цены заоблачные,

блюда необычные и повар у них из Франции. Хорошо осведомлена, потому что недавно был скандал, который показали в новостях. Парня в потертых джинсах и рваных кедах не пустили, а он оказался сыном какого-то чиновника. Оскорбленный мажор долго разглагольствовал перед журналисткой о том, что вещи от «Баленсиаги» у нас распознавать не каждый умеет.

Оказывается, очень дорогой бренд. Куртка а-ля бомж стоит сорок три тысячи евро, обувь как с помойки — пятнадцать. Вообще я была на стороне ресторана: если человек выглядит как бомж, то в девяносто девяти процентах он бомжом и является. Это наши реалии, блин.

А вот сейчас я начинаю нервничать. На мне нет даже «Баленсиаги».

Обычный темно-синий костюм, белая рубашка, туфли и местами потертая сумочка. Все массмаркет или ноунейм. Из украшений ничего, потому что бижутерию я не ношу, а на что-то подороже финансов нет. Маникюр — обычный бесцветный лак.

Чувствую себя совершенно неуместной.

— Что-то не так? — Кайсаров выходит из машины и открывает для меня дверь. Он в своем костюме, сшитом на заказ, тут-то как раз к месту.

— Нет, все хорошо.

Мужчина галантно придерживает меня под локоть, пока мы заходим внутрь. Нас встречает дубовый темный паркет,

хрустальные театральные люстры, огромные зеркала в состаренной позолоте. Такое чувство, словно я в музей пришла.

Девушка-администратор при входе выглядит на уровне заведения и одета намного дороже меня. При виде Кайсарова она улыбается шире, мне сдержанно и немного удивленно.

Не смотрюсь с ним рядом, да?

Обычно я не комплексую из-за своего уровня дохода. Мы с Ниной едим нормальную пищу, стараемся покупать качественные вещи, я оплачиваю съемное жилье, даже хватает отложить на квартиру. И наша теперешняя жизнь намного лучше той, что была в детстве рядом с теткой. Можно сказать, это успех.

Но прямо сейчас я чувствую себя нищенкой.

— Ваш столик готов, Тимур Робертович, — воркует она, — повар обещал подать блюда лично.

Отлично, еще и повар.

— Какие люди, — раздается из-за спины громко. — Тимур!

Тело Кайсарова словно камнеет рядом со мной. Взгляд становится нечитаемым. Я сразу понимаю, что что-то не так.

Убеждаюсь в этом окончательно, когда вижу пару, подошедшую к нам. Бывшая жена Тимура Робертовича Лада с новым мужем Романом Дементьевым. Они часто мелькают в журналах в разделе светской хроники. Вика любительница почитать в обед на работе, поэтому я знаю эту историю в подробностях.

Лучший друг отбил у Тимура Робертовича жену, отобрал большую часть общего бизнеса и едва не потопил Кайсарова. В журналах печатали очень много грязи и разной противоречивой информации об этих троих, так что чему конкретно верить, я не знаю.

Лада Дементьева теперь известный блогер, о своей личной жизни она написала книгу. Вика обещала прочитать и рассказать мне самые жареные подробности.

— А я только вчера открыл твоё интервью, — цокает Дементьев, — потрясающе. Фото вообще топ.

— Пошел ты, — Кайсаров брезгливо кривит губы и отворачивается. Бывшую жену не достаивая даже взглядом. — Проведите нас к столику.

— Конечно, — взволнованная перебранкой непростых людей девушка-администратор суетится и ведет нас в зал. — Ваш столик, приятного ужина.

Администратора сменяет вышколенный официант, он кладет перед нами меню и отходит в сторону. Я перелистываю страницы, ничего не понимая в вычурных названиях: «Кок-о-вен» «Бланкет», «Шукрут», «Наварен», «Кассуле», «Буайбес». Последнее, кажется, суп, но супа мне не хочется. Смотрю поверх меню на спокойного Кайсарова.

Как у него хватает выдержки при виде этой парочки?

— Выбрала что-нибудь?

— Нет, — захлопываю меню. — Я ничего не поняла в этих названиях, — признаюсь честно, — так что доверяю вам.

— Девушке гребешки, мне как обычно. И бутылку вина,
— Кайсаров делает заказ.

Украдкой скашиваю взгляд туда, где всего в трех столиках от нас расположились Дементьевы. Роман показушно целует руку Лады, что-то нашептывает ей через столик. Та смущенно улыбается в ответ. Идиллия.

На фото в журнале Лада всегда прекрасна, а в жизни еще лучше. Она немногим старше меня, очень ухожена. Ее фигура похожа на фигуры балерин: тонкие кисти, худенькие хрупкие плечи, длинная лебединая шея. Светлые волосы в растрепанной модной косе перекинуты через плечо. И платье воздушное, белое. Почти ангел.

— Мне кажется, здесь интереснее, чем там, — Кайсаров постукивает пальцами по тыльной стороне моей ладони, возвращая внимание к своей персоне.

— Извините.

— На ты, Майя.

К Кайсарову на ты?

Что-то я не уверена....

— Ну же, Майя. Просто Тимур.

— Тимур Робертович...

— Тимур и на ты.

Генеральный говорит безапелляционно, тоном, не терпящим отказа.

— Хорошо, — соглашаюсь, робея.

Этот мужчина для меня настоящая загадка. Он то ледя-

ной и застывший, то горячий и страстный, властный и в то же время готовый извиниться, если не прав. Я все время теряюсь, не понимая, каким он будет дальше. С Кайсаровым будто по минному полю ходишь.

Официант приносит вино. Перед тем как разлить по бокалам, дает Тимуру Робертовичу попробовать. И тот делает все прямо как в фильмах: нюхает с закрытыми глазами, немного пробует на язык, хмурится.

Пока он раздумывает, достаточно хорошо ли вино, официант вытягивается по струнке. Кайсаров одобрительно кивает, и тот расслабляется.

Делаю небольшой глоток из своего бокала и морщусь. Я к вкусу алкоголя не привыкла, мне кисло, слишком терпко и отдает спиртом.

— Не понравилось?

— Нет, — запиваю водой из стакана рядом.

— Можешь выбрать любое.

Тимур Робертович, неужели непонятно, что я вообще не разбираюсь? Ни в блюдах, многие названия которых прочла в меню впервые. Ни уж тем более в здешних винах. Тут бутылка как моя зарплата стоит, не меньше.

Реальных цен я не знаю, потому что в меню не было указано ни одной*.

Это потому, что такие, как Тимур Робертович, а вернее Тимур, денег не считают?

— Можно мне сок? Яблочный.

Взгляд между тем все время цепляется за Дементьевых. Мне хочется понять, почему Лада предпочла Романа.

По сравнению с Кайсаровым тот определенно проигрывает. Он немного ниже, не такой мощный. Я бы даже назвала его внешность слегка женственной. Идеально подстриженная борода, уложенные волосы, узкое лицо.

— И как? — Тимур усмехается.

— Что как?

— Раз уж разглядываешь ты Романа, интересно твое мнение.

— Он мне не нравится.

— Ну конечно...

— Серьезно, вы намного интереснее, — краснею и прикусываю губу. Я сейчас в своей симпатии призналась, да? Он же теперь может решить, что я заигрываю. А я не заигрываю. Это факт, вот и все.

— Ты так мило краснеешь.

— Спасибо.

— И еще, ты Майя очень красивая женщина, — его ладони накрывают мои, сплетая наши пальцы. Кайсаров ловит мой взгляд и не отпускает, смотрит пронзительно. Я таю, как наивная дурочка, позволяя себе эту небольшую слабость. Совесть острым шипом колет, но мне так хорошо.

— Timur, — сверху раздается картавое покашливание. Перед нами невысокий плотный мужчина с животиком в белоснежной форме и колпаке. Даже усики есть. — *Quelle belle*

fleur tu as apporté avec toi. Je suis conquis.**

— Bonsoir, Paul. Ne touchez pas, la fleur m'appartient.***

— Кайсаров отвечает по-французски.

— Quel dommage. Mais au moins je vais y jeter un oeil. — Улыбчивый француз оборачивается ко мне. — Des pétoncles pour une belle princesse. C'est le meilleur aphrodisiaque.****

Из всего я поняла только «принцесса».

— Поль не говорит по-русски? — радуюсь, что у меня появилась возможность переключиться с опасной темы на что-то отвлеченное.

— За два года так и не хватило терпения выучить.

Мне звонит Нина, и я сбегая от Кайсарова поговорить с ней и припудрить носик. В огромном зеркале дамской комнаты не узнаю своих расширенных счастливых глаз. К щекам прилип предательский румянец.

— Я буду через час или два. На работе задержалась, — отчитываюсь обеспокоенной сестре. Она пришла с учебы раньше и не застала меня дома. — Ты покушала? Не тошнит?

— Тошнит, — Нина устало вздыхает, — ладно, пойду приму ванну. Думала вместе поужинать, но теперь вообще не буду.

— Нина, ешь. Так и до обморока недалеко.

Понижаю голос, когда замечаю девушку, вошедшую в дамскую комнату следом за мной. Лада проходит к умывальнику и становится рядом. Насмешливо оценивает меня в зеркале.

— Мне нужно идти, Нина. Пока.

Вешаю трубку, так же рассматривая бывшую жену Кайсарова в ответ.

Не выдерживаю первой:

— Вы что-то хотели?

— Познакомиться, — она притворно вздыхает. — Тимур так долго был один после развода, страдал, бедный. Шлюхи, алкоголь, — пухлые губы изламываются в победной улыбке. Ей явно нравится, что она стала причиной страданий своего бывшего мужа. — Я надеялась, что в конце концов он найдет себе кого-нибудь и успокоится. Кого-нибудь, достойного его внимания. Но видимо, вкус у него совсем испортился.

Она брезгливо кривится, рассматривая мой дешевый костюм и волосы, собранные в хвост. Всем своим видом показывает, что я не ровня ей, а человек второго сорта.

— Не хочу тебя обидеть...

Хочет, еще как.

— Но с мужчинами уровня Тимура и Романа нужно лучше заботиться о своей внешности. Так выглядеть в приличном месте — моветон и оскорбление для своего мужчины. Попроси у Кайсаров денег хотя бы на салон красоты.

— Да пошла ты, — вырывается у меня неконтролируемо.

— Советую быть поосторожнее в выражениях, милочка. Я жена уважаемого в этом городе человека, а ты временная подстилка моего бывшего мужа, который до сих пор меня не забыл. Ты Тимуру по-настоящему даже неинтересна, раз

он в тебя не вкладывается. Будешь дерзить — устрою тебе такие проблемы, что в жизни не расхлебашь, — красивое лицо искажает гримаса злости.

*Одна из европейских традиций. Мужчинам дают полноценное меню. А женщинам, которые пришли с ними, вручают меню, в котором не указаны цены на еду и напитки.

*Гребешок — известный афродизиак. Он не только повышает сексуальное влечение между партнерами, но и улучшает работу репродуктивной системы организма.

** *Quelle belle fleur tu as apporté avec toi. Je suis conquis* (фр.) — Какой прекрасный цветок ты привел с собой. Я покорен.

** *Bonsoir, Paul. Ne touchez pas, la fleur m'appartient* (фр) — Добрый вечер, Поль. Руки прочь, цветочек принадлежит мне.

*** *Quel dommage. Mais au moins je vais y jeter un oeil. Des pétoncles pour une belle princesse. C'est le meilleur aphrodisiaque* (фр.) — Какая жалость. Но я хотя бы посмотрю. Гребешки для прекрасной принцессы. Это самый лучший афродизиак.

Глава 05

Лада хлопает дверью, оставляя меня одну. Сердце колотится от напряжения.

Сука, вот она кто. Нет у меня приличных слов для бывшей жены Тимура Робертовича.

Как он вообще с ней жил?

Возвращаюсь обратно за столик, где скучает Кайсаров.

Он рассеянно смотрит перед собой. Не замечает меня, пока не сажусь напротив.

— Я долго?

— Нет... но с бывшим другом перекинуться парой слов успел.

Вижу по Кайсарову, что настроение у него окончательно испорчено.

Роман с Ладой поднимаются из-за столика и направляются на выход, мне достается финальный презрительный взгляд от бывшей жены Кайсарова. Тимур Робертович в их сторону даже не смотрит. Я тоже отворачиваюсь.

Кошмарная парочка, надеюсь, когда-нибудь они получат по заслугам за все, что творят.

— А ты читала последнюю статью обо мне? — вдруг спрашивает он.

— М-м-м, да, — неловко улыбаюсь. Был ли в этом городе человек, который ее вообще не читал?

— И что думаешь?

Смотрю на нетронутую тарелку с гребешками. Тяжелый взгляд Кайсарова выдержать не могу.

— Ваша жизнь, имеете права делать что хотите, — отвечаю обтекаемо.

— Опять на вы? — он усмехается. — И это не ответ. Что ты думаешь на самом деле?

— Мне жаль, что после развода вы разочарованы в женщинах, — отвечаю после некоторых раздумий.

— Тебе меня жаль? — мужчина хмыкает. — Не стоит, Майя, не стоит.

Между нами повисает молчание.

— Я могу спросить? — решаюсь узнать о важном.

— Да, давай.

— Почему вы не хотите детей?

— Дети должны расти в любви, — выдает он ледяным тоном. — Меня она не интересует.

— Вот как? — разочарованно охаю.

— Деньги и работа — вот все, что мне интересно. Остальное просто фон, — он вздыхает, сжимая переносицу. Слегка отклоняется на стуле. — Ты не против, если мы уедем? Хочу убраться отсюда и спокойно отдохнуть.

— Да, конечно, — с готовностью киваю.

Сейчас Кайсаров открылся мне с новой стороны, и она мне совсем не нравится. Да, все мы обжигаемся. Кого-то бросают, кого-то просто не замечают годами, у некоторых

даже любимые умирают.

Боль — это часть жизни.

Со временем она утихает, и нет ничего плохого в том, чтобы попробовать снова.

Кайсаров же слишком категоричен.

На парковке Тимур Робертович открывает для меня пассажирскую дверь:

— Я отпустил водителя, не хочу больше видеть сегодня лишних людей.

— Я могу уехать на такси.

— Нет, садись, — помогает мне забраться внутрь и захлопывает дверь.

Когда мы отъезжаем, называю свой адрес. Однако машина проезжает всего одну улицу и въезжает на охраняемую территорию фешенебельной высотки.

— Где мы? — с тревогой смотрю через ветровое стекло на освещенную дверь подъезда.

— Майя, — Кайсаров разворачивается ко мне, — я хочу сделать тебе предложение.

— Какое? — я уже все прекрасно понимаю, но все равно спрашиваю.

— Ты красивая женщина, я богатый мужчина.

Качаю головой из стороны в сторону, не в силах смотреть на Тимура Робертовича.

Черт, зачем он так со мной?

Разве я похожа на такую?

— Щедрый, Майя. У меня нет ни времени, ни желания прыгать вокруг тебя.

— И не надо, — пальцы впиваются в сумочку на коленях до побелевших костяшек.

— Содержание — миллион в месяц. Ты делаешь мне приятно в постели, начинаешь ухаживать за собой, как положено, и не ебешь больше мозг своими играми.

Похоже, все то хорошее, что я нашла в Кайсарове, существовало лишь в моей голове.

Вот дурочка.

Он именно такой, каким его описали в той статье. Сам во всем признался.

Его не интересуют нормальные отношения, семья и дети.

Он не способен любить.

Все, чего он хочет — покупать себе кукол, которые будут делать что и как он хочет. Он не нужен мне со своим предложением, он не нужен Нине и ее ребенку.

Мы обе как-нибудь без его денег обойдемся!

— Мне это неинтересно, — тянусь к ремню безопасности и отстегиваю его. Дергаю за ручку двери, но та оказывается закрытой. — Выпустите меня, пожалуйста.

— Как с тобой сложно, — Кайсаров хватается меня за руку и дергает на себя. Сминает мои губы жестким поцелуем, не позволяя больше возмущаться. Игнорирует удары кулаком в грудь. — Сладкая, пиздец, — его нос скользит по моей шее, зубы нетерпеливо чиркают по мочке уха. — Сколько, Майя?

Лям триста? Пусть будет полтора.

— Немедленно отпустите! — во мне начинается клокотать ярость. Ублюдок. Да что он ко мне прицепился?

Руки Кайсарова перестают меня держать, и я сжимаюсь на сиденье. Он шумно дышит через ноздри, сверлит меня злым голодным взглядом.

— Я всегда получаю то, что хочу, Майя, — голос мужчины отливает металлом.

— Не в этот раз, Тимур Робертович. Вы сами в интервью заявили, что интересуетесь исключительно проститутками. Вот к ним и катитесь.

— Сука.

— Открой дверь! — бью в нее локтем.

Центральный замок щелкает, и я вываливаюсь из машины. Без оглядки убегаю прочь через пост охраны, едва не падая на высоких каблуках.

Завтра же напишу заявление на увольнение. Компания Кайсарова не единственная в городе, где нужны бухгалтеры. На первое время перебуюсь подработкой. Вроде наклевывается еще одна фирмочка.

— Черт! — стираю со щек слезы и оглядываюсь по сторонам. Он предупредил, что получает все, что хочет. Чем это может мне грозить? Он же не может меня заставить?

А если узнает про беременность Нины — что с ней будет, страшно подумать.

Чтобы успокоиться, иду пару улиц пешком, потом вызы-

ваю такси. По дороге в машине тщательно вытираю растекшуюся по лицу тушь и припудриваю лицо. Не хватало только, чтобы Нина стала меня расспрашивать.

В мыслях постоянно повторяю:

«Майя, спокойно».

«Майя, спокойно!»

«Майя, спокойно, твою мать!»

Но мне беспокойно.

Слишком много произошло за этот вечер: угрозы Лады, угрозы Кайсарова. Хорошо хоть Роману Дементьеву на меня плевать было.

Как я так вляпалась?

Дома тихонько сбрасываю туфли в темной прихожей. Света в квартире нет, Нина спит. На кухне обнаруживаю ужин с запиской: «Тебе я сделала нормальный».

На столе тарелка с паровой котлетой и салат из помидоров. Рядом вишневый компот. Все еще теплое, но аппетита нет.

Принимаю горячий душ и заворачиваюсь в махровый халат. Завариваю себе успокоительный чай с ромашкой. Из верхнего ящика в пожелтевшем кухонном гарнитуре вынимаю мятую пачку сигарет.

Нина покуривала и думала, я не знаю.

Наивная...

Теперь точно не курит. В пачке как было три штуки, столько же и осталось.

Включая вытяжку над плитой и пытаюсь потихоньку затянуться. Где-то я прочитала, что курение успокаивает нервы. Мне сейчас как раз надо.

— Куришь? — растрепанная, в пижаме со Спанч Бобом, в дверном проеме появляется Нина.

Я закашливаюсь.

Застукала, блин...

— А чего им пропадать, ты-то теперь не куришь, — не могу не подколоть.

— Это не мои, — Нина невозмутимо садится за стол напротив и принимается есть остывшую котлету, — от хозяев остались.

— Ну да, — затягиваюсь еще раз. В голове все начинает плыть, во рту неприятное ощущение, будто кошки нагадили. Не уверена, что курево расслабляет, скорее отвлекает от проблем. — Отвратительно.

— Согласна, — сестра с завистью смотрит на сигарету.

Выбрасываю окурочек в урну, грустно вздыхаю:

— Меня, скорее всего, уволят с основной работы.

— Почему? — глаза Нины округляются.

— Ну... — неопределенно взмахиваю рукой. — Не сошлась характерами с начальством. Но не страшно, у меня сейчас три фирмы левые, плюс будет еще одна. Справимся.

— Мне нужно срочно выходить на работу.

— Нет, тебе нужно доучиться, — нажимаю я.

— Майюша...

— Что Майюша? Ты об этом мечтала.

И я мечтала, но не получила.

Папа был хирургом. Его в городе уважали, я даже стопку статей о нем собрала. В детстве бредила, что буду, как он. Книжки по биологии читала, химию штудировала. Моя мечта уперлась в невыносимые условия жизни с теткой, дневную форму обучения и отсутствие возможности подрабатывать хоть как-то. Можно было выбить общежитие, стипендию, но это означало оставить Нину с теткой и ее убудочным любовником. Я так поступить не могла.

Поэтому окончила курсы бухгалтеров, отложив мечту подальше. А потом просто отдала свой шанс Нине.

И я не переживу, если она его упустит.

Просто не переживу.

Папа бы хотел этого, я знаю.

Родители бы гордились.

— Но академ брать все равно придется, — сестра кладет руку на живот, нежно трогает.

— На год, когда родишь. Возьмем тебе репетитора, чтобы программу не забыла, я помогать с малышом буду.

— Помогать, — Нина опускает голову, — а сама когда жить будешь?

— Потом... я успею, — поднимаюсь на ноги. — Пойду спать. На работу завтра, мне еще заявление писать.

Совершенно не выспавшись, спешу утром в офис. Заявление в сумочке, настроение, несмотря ни на что, боевое.

Вика нагоняет меня на выходе из метро.

— Майя, ну расскажи, — канючит она, все пытаюсь вывести информацию про тайного поклонника.

— Нет, — вынимаю из ее рук книгу с закладкой. Видимо, читала, пока ехала. — Ого.

— Жесть там у них, конечно, была, — она обмахивается сумочкой, — Кайсаров такой жестокий, бедная Лада. Если хочешь, возьми почитать, я почти закончила.

— Возьму.

Что Кайсаров жестокий, я уже хорошо на себе прочувствовала. Но и Лада далеко не бедная овечка.

— «Сквозь розовые очки», Лада Дементьева. Блогер, балерина, женщина, — цитирую обложку.

— Он же ее из балета заставил уйти, — Вика размахивает руками, — из дома не выпускал, ревновал страшно. У Лады просто выхода не было, она сбежала. И правильно. Роман Дементьев — прекрасный мужчина, благородный.

— Это ты тоже в книге вычитала? — иронично усмехаюсь.

— Да, она очень откровенно обо всем рассказывает, — Вика отвечает на полном серьезе. — Ты почитай.

Мы проходим через холл бизнес-центра и вызываем лифт. В кабину следом за нами входят Кравцов и Кайсаров.

— Доброе утро, красотки.

— Здравствуйте, Адам Русланович, — Вика мгновенно включает милую кошечку. Адам у нас не женат, в серьезных отношениях не замечен. Бабник, но Вика считает, для муж-

чины это плюс. Нагуляется, потом в браке верным будет. К тому же, учитывая должность, Кравцов для нее — очень хорошая партия.

Парочка смещается немного в сторону, обмениваясь комплиментами, и мы с Кайсаровым остаемся стоять друг напротив друга. Флешбеки из произошедшего в машине начинают вспыхивать в голове.

Его жадные губы, властные руки. Нетерпение, с которым он меня касался. И грязные слова: «Пусть будет полтора». Очень дорого оценил меня Кайсаров. Я такие деньги почти год зарабатывать у него в должности бухгалтера буду.

— И как? — его равнодушный взгляд отрывается от моего лица и опускается на книгу.

— Пока не читала.

— Ну-ну... Буду ждать отзыв, Майя.

Даже веселая парочка догадывается, что что-то не так, и затихла. Вика, когда понимает, о чем мы говорим, сдавленно всхлипывает.

— Обязательно поделюсь, Тимур Робертович.

Он хмыкает, пропуская меня на выход из лифта. Бледная Вика семенит следом за мной.

— Прости, прости, — нашептывает мне на ухо. — Надо было ее в газету завернуть. Он так смотрел, ужас! Боже, Майя, он же исчадие ада. — Вика выхватывает у меня из рук книгу и бросает ее в урну. — Что теперь будет?

Глава 06

За книгу мне не было ничего, так же, как и за отказ стать содержанкой. В свете последних событий в «СтройДоме» Кайсарову вообще было не меня.

Тут и там слышались шепотки о сливах инсайдерской информации. От нас отказался крупный заказчик. По слухам, заключение важного контракта было под угрозой. Все понимали, что положение компании стало шатким.

На этаж к начальству без серьезного повода подниматься не хотел никто.

Анна Павловна не выдержала и слегла с сердцем, попала в больницу.

— Надо искать новую работу, — Леля без аппетита ковыряет салат.

Мы девочками выбрались пообедать и проветриться из наших душных стен. Обстановка в офисе слишком накаленная.

— Может, все еще наладится? — с надеждой говорит Вика. — Мне тут нравилось.

— А может, нас просто купят? Дементьев точно захочет, — вставляет Юля. — Ну там рейдерские захваты, поглощение конкурентов. Какая нам разница, кто в кресле генерального сидит, главное, чтобы зарплату платили вовремя.

Я в разговоре не участвую. Голова от цифр опухла, голос

от постоянных звонков и разговоров прилично подсел.

Обязанности главбуха кому-то исполнять надо, так что работу мы поделили. Но Леля с Юлей и так заняты под завязку, у них конец квартала, так что ушли в полный отказ. Тамара Сергеевна сломала руку, засела дома. Вика задавала миллион вопросов. Как-то так получилось, что основную часть работы переложили на меня, как на самую опытную.

Хотя кому я вру — как на самую безотказную.

За неделю дважды была на совещании у Тимофея Денисовича на ковре, он же у нас финдиректор. И я поняла, почему Анна Петровна вечно белой от него приходила.

Гадлевский — тиран и педант, который не терпит ошибок. Он отчитывает, давит, требует. Ни о каких обстоятельствах слушать не хочет.

Что Кайсаров, что он — оба психи, от которых стоит держаться подальше.

— Майя, ты как? — Вика сочувственно улыбается.

— Норм, — опускаю голову еще ниже, глядя в свой салат. Спать хочу — не могу. Подработка горит, там тоже отчеты. И тут я за себя и за всех.

Сама скоро слягу или попаду в больницу с истощением и нервным срывом.

— Молодец, может, тебя повысят по результатам. Ты справляешься, — ободряюще говорит Леля.

— Угу...

— А Дементьев ничего, — Юля оглядывается вокруг, что-

бы никто за другими столиками не слышал, и понижает голос до шепота. — Я смотрела интервью с ним, говорит толковые вещи. И он достойный — ну знаете, женат и очень Ладу любит. Говорил много о семье, ребенка хочет. Планирует от прибыли своей компании один процент переводить на различные социальные проекты.

— Да, — подхватывает Вика, — я про него еще в книге Лады читала. Он очень благородный.

— Не то что наши, — Леля поджигает губы. — Один по проституткам шатается, второй вообще непонятный. Я его с женщиной ни разу не видела, вечно вылизанный, ухоженный. Может, он вообще из этих, ну вы знаете...

— Гадлевский натурал, — Вика цокает. — Его Галя из планового видела, он из гостиницы с какой-то женщиной выходил. Говорит, очень красивая.

— У Гали зрение минус три, — не сдается Леля.

— Она носит линзы, а Гадлевский — гетеро, — подаю я голос.

Гадлевский — обычный мужчина, злой, нервный, себе на уме, но с нормальной ориентацией. Он на меня смотрит по-мужски, и это напрягает. В лифте, когда пересекались раньше, не знала, куда глаза деть, на обоих совещаниях, куда вместо Анны Петровны ходила, смотрел тоже неправильно, раздевающе. Орал и взглядом раздевал. Потом еще спросил, не встречались ли мы где-то, а то лицо у меня какое-то слишком знакомое.

Псих! Я бы встречу с ним вне работы точно запомнила, об этом ему и сказала. Только психом благоразумно не назвала.

После обеда опять зарываюсь в бумагах с головой, параллельно готовлюсь к проверке. У нас в отделе, как и во всех ключевых, будет внутренний аудит: посмотрят компьютеры, бумаги. Знаю, у нас чисто и ничего не найдут, но я все равно ненавижу проверки.

— Девочки, — вскрикивает Вика за своим столом. Трясет зажатым в руках телефоном. — Кошмар! Вы только посмотрите.

Все сбегаются к ней и быстро ее обступают.

— Не зря мы думали, что с ним что-то неладно, — Вика пролистывает статью до самого верха. — Подождите, тут ссылка есть на саму запись.

— Что за запись? — Леля нависает над Викиным плечом. Я среди девчонок даже голову просунуть не могу.

— Сейчас. Вот, — Вика переходит по ссылке и включает запись.

На экране появляется заплаканное лицо молодой женщины. Она затравленно смотрит в камеру и касается разбитого лица.

— Боже, — у меня по всему телу разбегаются колющие мурашки, — кто ее так?

— Я не могу молчать, — по щеке девушки катится слеза, она стирает ее ладонью и всхлипывает. Видно, что ей тяжело, она собирается с мыслями. — Вчера вечером ко мне

в дом пришел Тимофей Гадлевский. Он был другом нашей семьи, и я его впустила. Он занялся со мной сексом против моей воли, а потом избил, — девушка срысывается и рыдает. — Всю ночь я проплакала, мне было стыдно и страшно. Но сегодня поняла, я не могу молчать! Ведь кроме меня могут пострадать и другие женщины.

— Какой кошмар! — ошеломленно перевожу взгляд на девчонок.

— Насильник, — Леля качает головой. — Лучше бы он педиком был.

— А эта девушка кто вообще? — не успокаивается Юля.

— Ольга Мишина. Написано, что жена какого-то Егора Мишина, который на данный момент находится под следствием за махинации с инвестициями. Получается, Гадлевский вломился к ней, пока муж в тюрьме. Вот урод.

— Теперь нам точно конец, — Юля возвращается к себе за стол, — с нами больше работать никто не будет. «Строй-Дом» закроют.

Телефон на столе оповещает о входящем звонке от Нины. Она в истерике, через рыдания не слышно нормально слов.

Пытаюсь вслушаться, но почти ничего не понимаю. На мой требовательный вопрос, где сестра находится, Нина выдавливает: «Дома».

Это немного меня успокаивает.

Я сбрасываю звонок, собираю вещи и предупреждаю девчонок, что мне нужно съездить домой. Учитывая ситуацию

с Гадлевским, начальство к нам сегодня уже не сунется.

От офиса беру такси, чтобы доехать быстрее. Нина беспокоила меня; проблема связана с Тимуром, то есть Тимом для Нины. Она плакала, что в шоке от его поступка, что отец ее ребенка не может быть таким.

Неужели Кайсаров Нину нашел? Где он ее встретил? Что сказал?

На беременных гормонах истерика Нины была совершенно неуправляемой. Я очень надеялась, что она преувеличивает и все не так страшно на самом деле.

У дома расплачиваюсь за поездку и бегу в квартиру. Нина в позе эмбриона сжалась на диване, плечи подрагивают. Пока я доехала, истерика утихла.

— Я не могу поверить, что он такой. А если бы я тогда сказала нет, со мной так же поступил бы? — Нина садится на диване.

— Ничего не понимаю, — сбрасываю с ног туфли, про которые забыла. — Ты Тимура Робертовича встретила где-то? Он тебе угрожал? Что он сказал? Нина, ты можешь спокойно все рассказать, а то я ничего не поняла по телефону. С работы сорвалась, а у нас там проблемы, проверки. Жуть просто.

Нина непонимающе смотрит на меня, хлопая мокрыми ресницами:

— Тимур Робертович?

— Кайсаров, — киваю на Нинин живот.

Она качает головой.

— Какой Кайсаров?

— Нина, не шути так, — нервно улыбаюсь.

— Тимофей.

Тим, Тимур, Тимофей. Что происходит?

— Я смотрела видео Мишиной, я на нее подписана, —

Нина всхлипывает. — Он ее изнасиловал и ударил по лицу.

Все еще стою не двигаясь.

До меня слишком медленно доходит смысл ее слов.

— Тимофей. Гадлевский?

— Да, твой босс.

Действительно, формально бухгалтерия напрямую подчиняется Гадлевскому.

Он же финансовый директор.

Кайсаров коммерческий.

У нас два директора.

— А тот журнал, о котором мы говорили, где он?

— Журнал? В моей комнате на столе. Майя?

Что-то во всей этой ситуации конкретно неправильно.

Прохожу мимо сестры, сидящей на диване, в ее спальню. Щелкаю выключателем. Рядом с разобранной постелью сумка с учебниками. На автомате поднимаю ее и ставлю на стул. Возле окна стол с кучей тетрадей — у Нины вечно беспорядок. Стена над рабочей зоной вся в разноцветных стикерах, на полках стопки раскрытых книг.

Меня раздражает ее привычка так держать учебники, а Нине удобно, они всегда открыты на нужных страницах.

Взял с полки и читаешь.

Поднимаю недописанный конспект, стопку распечатанных листов с правками — это курсовая. Опять книги, а где чертов журнал?!

Нина тогда тоже на эмоциях мне говорила: увидела фото, он там такой красивый. Тим... И тест показала. Большую часть ее рассказа о Тимуре, то есть Тимофее, я восприняла как белый шум. У меня две яркие полосы перед глазами полыхали, мне этого хватило.

Рушилась наша привычная жизнь, Нинина будущая карьера, к тому же сестра оказалась беременна. Мне было не до деталей. И так понятно: клуб, випка, порванный презерватив.

Дергаю за страницу глянцевого журнала, завалившегося наполовину за стол. Обложка рвется, выскальзывает из рук, приземляясь на пол у стены. Чертыхаясь, лезу под стол и выуживаю медицинский журнал.

Какого черта Гадлевский влез на его обложку? В офисе о нем даже никто не упоминал.

— Шефская помощь... капитальный ремонт детских поликлиник...

Да уж, где детская поликлиника, а где пьяный Кайсаров, спящий в декольте проститутки. Или журналистки.

Черт.

Я все перепутала.

Я чертов журнал при Нине и треклятое интервью не упо-

минала даже, чтобы ее не ранить. Он же был там с другой и признавался в том, что дети ему не нужны.

Меня кроет.

Из груди рвется дурной смех. Чтобы не пугать Нину, закрываю рот ладонью.

Кайсаров вообще ни при чем.

Я подумала не на того брата.

И организовала себе кучу проблем.

Да почему я такая бедовая?!

Но один положительный момент есть: я не сунулась к Гадлевскому.

Он всегда меня пугал и, как оказывается, не зря.

— Майя? — раздается с тревогой из-за спины.

— Я заработалась, прости, — обнимаю сестру, — крыша совсем поехала без сна.

— Я заметила, ты по ночам работаешь. А я на твоей шее сижу, — слышу в голосе Нины вину, но я сама так решила, так что это глупо.

— Ну... это мой вклад в собственное будущее. Ты выучишься, на пенсии я буду ходить к тебе без записи. Никаких тебе очередей и бабок в них.

— Я детский педиатр.

— Это то же самое, просто таблетки взрослые.

— Угу, действительно, — Нина отклоняется и смотрит на меня с укором.

Я сажусь на Нинину постель, она опускается рядом и кла-

дет голову мне на плечо.

— Как я так вляпалась? — спрашивает тихо.

И я заодно с Ниной.

Кайсаров отстал, но это из-за проблем в компании. Такие, как он, не забывают обид, не выпускают свою добычу из рук.

— Думаешь, его посадят?

— Таких не сажают, — тут я тоже иллюзий не питаю. Выкрутится, откупится.

— Майя, а вдруг она врет? — голос Нины опять начинает дрожать.

— Ты ее видела? — я обвожу пальцем свое лицо. — Что он с ней делал, даже объяснять не надо. И так видно.

— Ты права, я просто....

— Он тебе понравился, к тому же он отец твоего ребенка. Ты не хочешь, чтобы он был насильником.

— Да, не хочу.

На работу я больше не поехала, у меня просто не было сил. Меня сморил тяжелый сон прямо в постели Нины, а разбудил назойливый звонок с незнакомого номера.

Глава 07

Открываю глаза и первые минуты пытаюсь сообразить, где я. Темно, неудобно, слишком мягко.

Точно, я уснула у Нины, да еще прямо в одежде. Голова от слишком короткого, недостаточного для отдыха сна ощущается чугунной.

Оглядываюсь — Нины нет, свет не горит. Увидела, что я отключилась, и решила дать мне отдохнуть.

Звонок оборвался, но затем зажужжал по новой, раздражая и привлекая к себе внимание.

— Да, — устало выдыхаю в трубку.

— Майя Кирилловна, это Адам Кравцов вас беспокоит. Вы дома?

— Да, а что такое? Сколько сейчас времени?

Выглядываю в окно. Темнеет, но еще не ночь.

— Восемь.

— Я завтра буду на работе, у меня сегодня семейные обстоятельства, — начинаю оправдываться. — Если есть какие-то вопросы, мы можем перенести их на утро?

Хотя какие вообще могут быть вопросы у начальника службы безопасности к бухгалтеру?

— Вам нужно спуститься.

— Куда?

— Я внизу у подъезда, жду вас в машине.

— Зачем? — все еще заторможенно поднимаюсь на ноги. Сон немного выветривается из головы, но соображаю я все еще средне. Самое ужасное для моего организма — проснуться в середине сна.

— Это ненадолго, Майя. Я могу подняться, если хотите.

— Нет, не нужно, — обнаруживаю сестру, посапывающую в гостиной на моем диване. Нине и так хватило впечатлений на сегодня, пусть отдыхает. Никаких посторонних мужчин нам в квартире не надо.

Надеваю в прихожей туфли и тихонько выскальзываю в подъезд, еду на скрипящем лифте вниз.

Колесики в голове начинаю потихоньку крутиться, и мне становится тревожно. Что хочет Кравцов? Может, Кайсаров его прислал? Если так, то что хочет он?

Я уже знаю, что Нина беременна не от него, но ситуации это не меняет. Между нами ничего не может быть, я не готова быть рядом с таким, как он, ни в каком виде. Тем более как любовница-однодневка.

Выйдя из подъезда, ежусь — к вечеру на улице прилично похолодало. Тонированный внедорожник уже у подъезда. Как только я спускаюсь по ступенькам, задняя пассажирская дверь открывается. Вижу там Кравцова и забираюсь внутрь.

— Слушаю.

— Нам нужно будет прокатиться, Майя.

— Куда? — с опаской оборачиваюсь на захлопнувшуюся за мной дверь.

— В офис, — голос Адама звучит мягко, словно успокаивающе.

— Зачем?

— Есть несколько вопросов, которые не могут подождать до завтра.

— Вопросы... — стягиваю с волос резинку, тру пальцами кожу головы. Так становится немного легче. До офиса точно буду в норме. — Какие вопросы? Квартальный отчет еще не сверстан, на столе черновой вариант.

— Думаю, нам стоит приехать на место и там поговорить более предметно.

Мне не нравятся его расплывчатые ответы и то, что мы едем в офис почти ночью тоже.

— Тимур Робертович там?

— Да.

— А Гадлевский?

— Его нет.

— Это правда? Ну то, в чем его обвиняют? Его посадят?

— Я не уполномочен обсуждать этот вопрос.

— Ясно, — отворачиваюсь к окну и смотрю, как мы пролетаем вдоль освещенных улиц. Люди прогуливаются парочками, улыбаются. Вот это жизнь, а не моя вся в проблемах и работе. Когда я вообще была беззаботной за последнее время? Права Нина — когда я жить наконец начну?

Может, оно и к лучшему. Уволюсь из "СтройДома", потрачу неделю на себя: буду гулять, ходить в кино, может

быть, познакомлюсь с каким-нибудь парнем. Простым, с обычной работой, хватит с меня мужчин с деньгами. От них одни проблемы.

Немного денег у меня на случай форс-мажора отложено, а работа найдется.

— Приехали, — Адам выбирается из машины и подает мне руку. Водитель остается у внедорожника, провожая нас нечитаемым взглядом. Он странный, больше на охранника похож.

В бизнес-центре пусто, в холле горит лишь дежурное освещение. У лифта мне становится совсем беспокойно, но я держусь. Все равно Кравцов ничего не скажет.

Похоже, меня ждет разговор с самым главным.

Ладно, мы решим любую проблему, и я увольняюсь окончательно. Первое заявление я не отнесла только потому, что Алла Петровна просила остаться, пока она в больнице будет.

На нашем этаже так же пусто, темно и тихо, как и в остальном здании. В бухгалтерии, наоборот, горит яркое освещение, за компьютерами сидят айтишники, Кайсаров напряженно разговаривает по телефону у окна.

При виде меня разговоры обрываются и воздух словно тяжелеет.

— Все выйдите, Адам и Сергей, останетесь.

Сергей — начальник айти-отдела. Именно он со своей командой проводит проверки всех компьютеров и разыскивает того самого крота, который слил инсайдерскую информа-

цию.

Почему они именно у нас в такое позднее время?

— Проходи, Майя, — Кайсаров напряжен, как и все остальные. Мужчины спешно покидают кабинет, успевая при этом бросить на меня любопытные взгляды.

— Что происходит?

Кайсаров отодвигает мой рабочий стул и жестом приглашает присесть. Поскольку ответа не получаю, просто подчиняюсь.

Сажусь за стол, складываю руки перед собой. На мониторе вместо привычного отчета открыты неизвестные мне таблицы.

— Что это? — пытаюсь понять, что значат колонки дат, время и короткие сухие описания: вошел в систему... отправил сообщение... данные удалены... Они все разные, и у меня так и не получается собрать их в систему.

— Это все, Майя. Мы восстановили все, — Кайсаров становится за моим креслом. Его ладони впиваются в мягкую экокожу до противного скрипа.

— Я не понимаю, — качаю головой.

— Хватит ломать комедию, Майя! Мы тебя вычислили.

— Вычислили? — до меня все еще не доходит.

— Чем ты занималась, — раздается пробирающим шепотом Кайсарова мне на ухо. — Думала, сойдет с рук?

Ледяной трескущий страх медленно распространяется по телу. Я знаю, что после слива важной инсайдерской инфор-

мации ищут крота, что проверяют все отделы и наш тоже.

— Вы думаете, это я? — резко оборачиваюсь на Кайсарова. Я все еще надеюсь, что это не так. Но его взгляд говорит об обратном. — Это неправда. Я бы не стала.

— Хватит, Майя, — мужские ладони со спинки кресла перемещаются на мои плечи. Руки у него тяжелые, словно бетонные плиты. Кайсаров сжимает пальцы, больно впиваясь в мою кожу через плотную ткань пиджака. — Ты допрыгалась!

Бред.

Неужели он опустился настолько низко и решил таким образом расквитаться за отказ?

— И какие у вас доказательства? — с трудом спихиваю мужские руки с плеч.

Сергей подкатывает второе офисное кресло к моему столу и садится рядом. Он, как всегда, тих и безэмоционален. Протирает тряпочкой свои квадратные очки с толстыми линзами. Пальцем указывает на экран.

— Перед вами отчет для полиции.

От упоминания правоохранительных органов мой страх перерастает в дикий ужас.

— Здесь все операции, которые вы совершали с вашей учетной записи.

— Что ж я, такая тупая, получается, что под своим именем все делала? — язвлю, перебивая Сергея.

— Вы были уверены, что за вами подчистят. Но ваши спецы не учли, что мы сменили систему кибербезопасности и

обновили часть протоколов. Я сделал это лично, и никто даже в моем отделе был не в курсе. Вот, — Сергей проводит пальцем по строчкам вниз, — это отчет по последним сделкам, по остаткам на складах, по предварительным договорам на поставку и так далее. Все они скопированы вами из базы с помощью вашей учетной записи и Анны Петровны. Ее пароль вы использовали, чтобы добраться до информации, которая была вне вашего доступа.

— Неправда, я этого не делала.

— Все операции совпадают по времени с записями видеокамер. Они установлены в кабинете, думаю, вы в курсе.

— Конечно я в курсе!

Именно поэтому никогда бы не решилась. Да я вообще не из тех, кто возьмет чужое.

— Меня подставили!

— Это ты будешь следователю рассказывать, Майя.

— Нельзя посадить человека за то, чего он не делал!

— Молодец, актриса из тебя отличная, но это не пройдет ни здесь, ни там.

— Сколько он тебе заплатил?

— Мне никто ничего не платил.

— На тебе есть жучки?

— Что? Нет, вы спятили! Если хотите, можете все проверить и убедиться. Я чиста!

— Проверим, — обещает Кайсаров, он отходит на пару шагов, поворачивается к Кравцову. — Общайте дом, теле-

фон, проверьте все контакты. Пока по-тихому.

В душе теплится надежда, что если это не розыгрыш, а реальная подстава, то никаких свидетельств моей вины или связи с Дементьевым они не найдут. А потом и ситуация на работе прояснится. Если у Кайсарова такие спецы работают, как он думает, то до правды они должны докопаться.

— Ее тоже нужно, — Адам бросает на меня косой взгляд.
— Если жучков нет, не значит, что не осталось следов. Она была в этой одежде с утра?

— Да, — отвечает Сергей.

Они вообще говорят, будто меня здесь нет. А я есть, нельзя так со мной.

— Раздевайся, Майя, — Кайсаров даже не оборачивается. Я не двигаюсь, и он добавляет: — Здесь или едешь в полицию. Если хочешь побыть на свободе еще немного, лучше не упрямысь.

Я не хочу в полицию. Не глядя на мужчин, поднимаюсь с кресла и снимаю пиджак, кладу его на стол. Пальцы дрожат, как и все мое тело.

Пусть забирают, пусть проверяют. Мне нужно немного времени, я подумаю, я найму адвоката, все выяснится. А в тюрьме я точно не смогу ничего сделать, меня запрут по щелчку пальцев Кайсарова и ключ выбросят.

— Сергей, выйди, — доносится до меня. Дверь хлопает. Снимаю блузку, за ней юбку, туфли. Остаюсь в белье и чулках. Мне холодно, и я не могу поднять глаз на мужчин.

— Все, — Кайсаров подходит вплотную, а Кравцов выходит, оставляя нас одних.

— Думаете, я в трусах что-то спрятала?

— Снимай — или тебя увезут в ментовку, там разденут и спрашивать не будут.

— Это месть, да? — вскидываю на него ненавидящий взгляд. — За отказ?

— У меня заканчивается терпение.

Щелкаю застежкой лифчика и бросаю его на стол, следом скатываю по ногам чулки, трусы оказываются сверху стопки.

Без одежды чувствую себя максимально уязвимой, закрываюсь руками.

Мои глаза устремлены в пол, но я точно знаю, что он смотрит. Его дыхание сбивается и становится более поверхностным, подтверждая мою теорию.

— Можно мне что-то взамен?

— Ты договаривалась с Дементьевым лично? — Кайсаров двигается ближе, я отступаю. Бедро больно врезается в стол за мной.

Он цепляет пальцами мой подбородок и заставляет смотреть себе в глаза.

— Сколько он заплатил?

— Мне никто не платил, вы во всем ошибаетесь.

— Думаешь, если защищать своего хозяина будешь, он поможет? Он тебя кинет, дурочка, откажется. И ты сгниешь в тюрьме.

Мимо воли по щекам начинают катиться слезы. Я не могу, я не верю в то, что происходит сейчас. Это страшный сон, я проснусь завтра, и все будет хорошо. Будет!

— Пожалуйста, я ничего не делала, я ничего не знаю.

— Ты врешь!

— Нет, — качаю головой, вырывая свой подбородок из захвата. — Пожалуйста, можно мне одеться? Я не могу так. — Паника совершенно захватывает меня.

Кайсаров шумно вздыхает и стягивает с себя пиджак, накидывает мне на плечи.

— Что со мной будет?

— Идем.

Кайсаров не отвечает. Он толкает меня к двери и идет следом. В коридоре стоящие за дверью мужчины разом оборачиваются. Мне дико, что они смотрят на меня такую. Опускаю голову вниз, плотнее кутаясь в пиджак, плечи ссутуливаются. Если бы я могла, просто исчезла бы, сбежала, спряталась в темный угол.

Безвольно позволяю Кайсарову провести себя вдоль шеренги мужчин и посадить в ожидающую внизу машину. Все это время я была босиком и не чувствовала холода. Только страх и безысходность внутри. В машине не могла поднять головы из-за пережитого унижения и даже не поняла, куда меня привезли.

— Выходи, — Кайсаров подхватывает меня под локоть и тащит, спотыкающуюся, за собой. Наверное, мне нужно бы-

ло кричать или отбиваться, но я просто не могла. Онемела. Он растоптал меня полностью.

По пушистому белому ковру, в котором утонули мои ступни, я догадываюсь, что мы попали в квартиру. Дверь захлопнулась.

Я стою не шелохнувшись, спиной к нему. Тишину нарушает лишь мое сбитое дыхание и звук приближающихся мужских шагов. Когда волосы опаливает теплым дыханием, а шершавые пальцы касаются шеи, я шумно вдыхаю, и сердце замирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.